

תרגומי השירה הלירית לעברית מרוסית מאת אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводе на иврит Адольфа Гомана

АВРААМ ШЛЁНСКИЙ

אברהם שליונסקי

СТИХИ

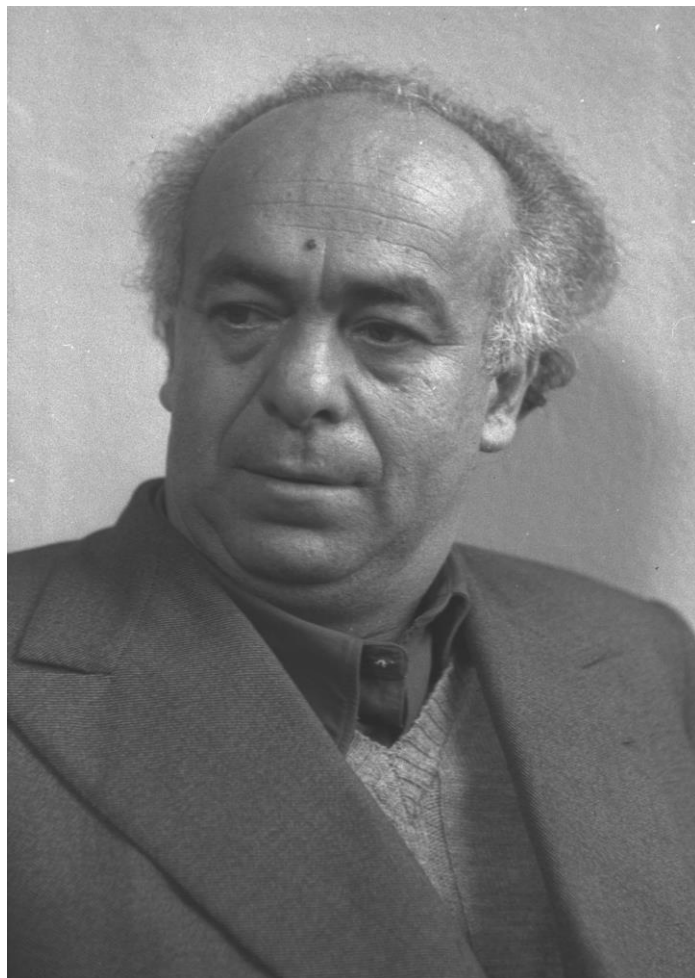
שירים

примечания переводчика

הערות של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

АВРААМ ШЛЁНСКИЙ

(1900-1973)

Содержание

Краткая биографическая справка

Всё было так просто

И всё же, не просто

Льстецы

Полночь

За грехи

Молитва

Пастырь

Землепашец

Где ты, Каин?

Тувал-Каин

Дождь в Содоме

Новое Бытие

Первобытная ночь

Ведь ты

Обет

Из мрака

Товарищ по ПАЛЬМАХу

Пробуждение

Стены моего дома

Когда проходишь ты

Намёки подвешенной луны

Могуч лес в пору листопада

Моё поколение

Перед зеркалом

Ответ молчащего

Частички кроны

Молитва о вымысле

Велик и благословен

Доброе утро!

Субботние звёзды

תוכן העניינים

על אברהם שלונסקי

הִיָּה זֶה כֹּה פָּשוּט
ובכל זאת: לא פשוט

מדוחים

חצות

על חטא

תפילה

רועה צאן

עובד אדמה

קין, איפה!

תובל-קין

גשם בסדום

בראשית חדשה

לילה קדמון

הרי את

גדר

ממחשכים

ידיד בפלמח

בהקיץ

קתלי-ביתי

בעברך

רמזי הירח התלוי

האדיר הגוע

מראה דורי

מול הראי

תשובתו של השותק

בני עלוה

תפלה על הבדות

אדיר וברוך

ברק טוב!

פוכבי-שבת

Краткая биографическая справка

Авраам Шлёнский (родился в 1900г. в местечке Крюково близ Кременчуга) - израильский поэт, переводчик, общественно-литературный деятель. Рос в семье, где сионистские убеждения и любовь к ивриту сочетались с революционным духом и любовью к русской литературе. В 1913–1914 гг. учился в Тель-Авиве. В годы гражданской войны был свидетелем погромов и издевательств над евреями.

В 1921 г. после многомесячных скитаний по Украине, России, Литве прибыл в Эрец-Исраэль. Работал на прокладке дорог и в кибуце. В 1922 г. поселился в Тель-Авиве с намерением жить литературным трудом, но сначала работал на стройке и печатал свои стихи и статьи о литературе в журнале революционно-модернистского направления. В 1924 г. поехал в Париж, где впервые столкнулся с жизнью большого города и познакомился с поэзией французского символизма. После возвращения в Тель-Авив в 1925 г. был сотрудником газеты «Давар». В 1926–32 гг. выпускал литературный еженедельник Союза ивритских писателей «Ктувим», где печатались произведения различных литературных направлений. Уже через год «Ктувим» отделился от Союза ивритских писателей и стал трибуной нового литературного поколения со Шлёнским во главе, отмежевавшегося от поэтической школы Х. Н. Бялика. Вокруг Шлёнского сплотились печатавшиеся в «Ктувим» молодые поэты и критики — группа «Вместе», которая стала издавать журнал «Турим». Авторы этого журнала искали новые пути в литературе С 1928 по 1942 гг. Шлёнский работал литературным редактором и вел различные рубрики в газете «Ха-Арец».

С момента основания в 1939 г. издательства «Сифрият по‘алим» был его сотрудником, работал в издательстве до конца жизни. В годы Второй мировой войны Шлёнский занимался в основном переводами, особенно советской литературы, так как теперь относился к СССР как к главному защитнику мира от фашизма. Шлёнский издавал также литературные журналы «Иттим» (1946–48) и альманах «Орлогин» (1950–57).

Первые публикации Шлёнского свидетельствовали о поиске своего пути в литературе. В 1920-е гг. Шлёнский написал поэтические циклы автобиографического характера об Украине, о времени освоения земли в Палестине и мытарствах в Тель-Авиве. Раннее творчество Шлёнского несет отпечаток русского имажинизма и футуризма. Есенинским лиризмом проникнута книга стихов «К папе с мамой» (1927), описывающая неустроенную и вдохновенную жизнь энтузиастов освоения Земли Израиля.

Книга стихов «В эти дни» (1930) знаменует овладение упорядоченной строфикой и метрикой. Следующая книга — «Камни хаоса» (1933), открыла новую эпоху в истории литературы на иврите — эпоху так называемого израильского символизма. Шлёнский продемонстрировал виртуозность рифмовки и звукопись, при которой фонетические созвучия диктуют смысловую перспективу стиха.

Книга стихов «Стихи обвала и примирения» (1938) воспроизводит впечатления от поездки Шлёнского в Чехословакию и Францию. Доминирующая тема — страх перед будущим. Следующие книги стихов «Будь благословенно изобилие» (1947) и «Первозданные камни» (1960) разрабатывали жизнеутверждающую тему гармонии человека. Стиль Шлёнского тяготеет в этих книгах к притче, к прозрачному развернутому сравнению, составленному из метафорических картин.

Стихи Шлёнского переводились на разные языки.

Шлёнский — непревзойденный мастер поэтического перевода с русского языка, в первую очередь произведений А. С. Пушкина. Перевод «Евгения Онегина» со скрупулезной точностью воспроизводит ритмику и стилистическое богатство оригинала и признан

критикой лучшим переводом этого произведения на иностранный язык. Среди переводов Шлэнского: «Двенадцать» и «Скифы» А. Блока, «Борис Годунов», лирика и «Маленькие трагедии» Пушкина, «Поднятая целина» и «Тихий Дон» М. Шолохова, рассказы И. Бабеля, В. Бианки, пьесы Н. Гоголя, А. Чехова, М. Горького, А. Островского и многих других.

Шлэнский переводил также мировую классику, в том числе «Гамлета» и «Короля Лира» У. Шекспира, «Тиля Уленшпигеля» Ш. де Костера. Шлэнский создал школу перевода, принципиальными задачами которого считал богатство лексики, вплоть до использования неологизмов и точность в передаче реалий, что требовало от переводчика исследовательской работы; воспроизведение различных стилей прямой речи.

Велик вклад Шлэнского в развитие лексики иврита.

Шлэнский — автор ряда книг для детей, где проявилась его склонность к словесной игре, аллитерациям, каламбуру.

(Из Электронной Еврейской энциклопедии)

Из поэмы "И был..".¹

Всё было так просто

Созвездия с неба не слали знаменья
Той ночью, и в яслях не стало светлей.
И тёлка не выразила удивленья,
Не вперилась парой раскосых очей.

И, как в Вифлееме во время оно,
Под небом, где звёздным стадам счёта нет,
В день пятый адара² из тёплого лона
Я вышел в день белый, холодный на свет.

Один-девять-ноль-ноль...
Тут тайна, быть может?
Не раньше, не позже,
А именно в срок...
И лишь каббала разъяснить это может:

מן הפואמה "ויהי"

היה זה כה פשוט

בְּלִיל הַהוּא, בְּשִׁבְלֵי-דְרָקִיעַ
לֹא אוֹתָתוּ רְמָזִים אוֹרֵי הַמַּזְלוֹת,
וְחֻרְטָמִים לֹא בָאוּ לְהַתְמִיחַ
אֶת צֶמֶד עֵינֵיהֶם הַמְּפֹזְלוֹת.

כְּמוֹ בִּימֵי קֶדֶם – שָׁם – בְּתוֹכְכִי בֵּית-לְחֶם,
עַל פְּנֵי הַתְּכַלֵּת הַרְבוּצָה מְעַדְרִים.
הִיָּה זֶה הָא אֶדְר, הוּא יוֹם צְאֹתִי מִרְחֶם.
אֶדְר לְבָן כָּכָל הָאֶדְרִים.

הֵא-תו-רִישׁ-סְמָה.

סְתָם.

[אוֹלֵי כְמוֹס פֶּה כְּמוֹס?

כִּי לְמָה לֹא אַחַר וְלֹא הִטְרִים?]

יִדְעֵי הֵח"ן לֹא בָאוּ לְפַנְעַח אֶת הַרְמָז.

¹ "И был свет" (Бытие, 1, 3) "Бытие" (В начале)– первая часть ТОРЫ, Пятикнижья Ветхого Завета

² Адар – один из зимних месяцев. Шлэнский родился 5 марта 1900г.

Начало столетья –
Ужасный намёк!

И вовсе не радостным – жалобным писком
О том маме с папой сообщил я в тот час:
"Всё это так просто:
В селе украинском
Еврейский сыночек родился у вас".

1929

И всё же, не просто

Песнь, проснись и расскажи мне
(Как тебе пристало)
О местечке в Украине
Среди сёл Полтавы.

Про местечко, про домишки,
Нищету, разруху.
Спой мне песню-плач давнишний,
Что певал дед внуку.

Пел о страннике горбатом
С торбой неременной,
Что прошёл наш край когда-то,
Нищий и согбенный.

Кто он, что он? Что за дали
Гонят в путь беднягу?
Удивлялись и гадали:
Каин, Элиягу³ ?

Ликом дик, чужой и странный,

³ Элиягу – Илия-пророк

הַרְמַז הָאֵיִם:
רַאשִׁית לְמַאת עֲשָׂרִים.

עַל כֵּן גַּם הוֹרְתִי בְדַחֲלִיו לֹא הִרְנִינָה:
הָאֵח לִי, כִּי בָא גָד!
הָאֵח לִי, כִּי בָא גָדִי!
הִיָּה זֶה כֹּה פְּשׁוּט: בְּכָפֹר בְּאוֹקְרַאִינָה
נוֹלַד לְאַבְא-אַמָּא יֶלֶד יְהוּדִי.

וּבְכֹל זֹאת: לֹא פְּשׁוּט

עוֹרִי, בֵּת הַשִּׁיר, זְמַרְי נָא
זְמַר כִּי יָאָה לְךָ,
עַל מוֹשֵׁב בְּאוֹקְרַאִינָה
עַל פּוֹלְטְבָה פֶּלְךָ.

עַל מוֹשֵׁב, עַל כָּפֹר בֶּן-דְּחִי.
עַל בְּתִים-שִׁלְכֹת.
וְנִגְנִי אֶת שִׁיר הַבְּכִי
סָבָא שֶׁר לְנִכְד.

סָב לְנִכְד שֶׁר עַל הַלָּךְ
מִיָּמִים מִקְדָּם,
שֶׁעֶבֶר בְּשִׁדוֹת הַפֶּלְךְ
שְׁחוּחַ וְנִדְכָּה דָם:

"לֹא יָדַע אִישׁ: מִי הוּא? מַה הוּא?
אֲנִי וּמֵאִין?
הֵם הַבֵּיטוּ, כֵּן תִּמְהוּ:
אַלְהִיו? קִיִּין?"

אָךְ הַפֵּל רָאוּ: פְּרוּעַ...

Окликам не внемлет...
И дома из торбы рваной
Сыпятся на землю.

Так град-Крюково родился –
В тесноте, в обиде.
И у всех, кто там селился,
Знак на лбу был виден.

Скорби знак иль удивленья?
Случай это, рок ли?
Кто занёс его в селенье –
Каин ли, пророк ли?

1929

Льстецы

Беда! В меня все влюблены.
Решили, что я ловкий вор, конечно.
Как взглянешь ты теперь, любимец всей страны,
В глаза отцу чистосердечно?

Ведь он наказывал мне: "Сын,
Сквозь терний ввысь спеши стремиться",
А я всё тут.
Все, как один,
Хотят сейчас со мной сдружиться.

Как взятки золотом, улыбки на меня
Потоком льются, я устал бороться.
На каждый зов: "Ах, где же ты?" маня,
Смеюсь хочу сказать: "Да вот я, братцы!"

זָר הוּא וּמוֹזֵר הוּא...
וּמִתְרַמְּלֵוּ קְרוּעַ
צָרוֹר בְּתִים נָשְׂרוּ.

כָּה הוּקָם הַכֶּפֶר הַפְּלִי:
קְרִיּוֹקוּב שְׁמוֹ לְנֶצַח,
שְׁמַכֵּל בְּנִיו, נְדָמָה לִי,
אֵין בְּלִי תוֹ עַל מִצַּח:

תּוֹ הַשְּׂכוֹל אִו תּוֹ הַתְּמָה?
הַתְּדַעוּ מִנֵּין?
כִּי פָגַע בָּם חַד מִהֶמָּה:
אוֹ תִשָּׁבִי – אוֹ קֵין.

מדוחים

אוֹי לִי כִי מִצָּאתִי חֵן.
תִּפְשׂוּ נָא בְּיָדַי: וּדְאִי גְּנֵבָה בָּהּ.
כֹּה רַבּוּ אוֹהְבֵי וְאִירָה יוֹכֵל הַבֵּן
לְשֵׁאת פְּנֵיו אֶל נֹכַח אָבָא?

הֵן הוּא צַנְנִי: הֲרָה בְּנִי!
בֵּין חֲרוּלִים אֶל צוּק אֵין-רַע
טַפְּס אֶל גְּבֵה!
וְאֵנִי
פַּה אִישׁ רַעִים לְהַתְרוֹעֵעַ.

הַחַיּוֹכִים סְבִיב – כְּזֶהֱבַת הַשְּׁלֵמוֹנִים
נִתְּרָה נִתְּרָה עָלַי לְהַטְבִּיעֵנִי.
וְלִקְלָא אֵי כֹה רֵן כְּשַׁחוּק-פַּעֲמוֹנִים
בִּי מִתְחַיֶּה הַקּוֹל: הֵן נִי!

Меня торжественно авто льстецов везёт.
На каждый радостный поклон встаю, краснея,
В сиянье золота улыбок во весь рот
Вдоль узкой, в никуда направленной аллеи.

Отец, я знаю: как "клиент" вдвойне
Плачу душой им за "услугу" эту.
И с каждым "браво!" гибнет лань во мне,
И все "спасибо!" гасят искры света.

Улыбочки! Далилы пальцы прядь
Мне бритвой режут. Поздно! Не отбиться.⁴
Отец, отец, как я успел любимцем стать,
С которым так легко сдружиться?

1932

Из цикла "Ворота провала"

Полночь

Ты – тайна, что мысли постигнуть невмочь,
Душа за порогом сознания.
Все клетки в зверинце открыты на ночь
Рукою безумною знания.

Ум в клетке метался и рвал узы днём –
Жизнь-лекарь его свяжет туже.
Ночь – это пылающий запёртый дом,
Чей ключ спрятан где-то снаружи.

Я в страхе смотрю, не могу побороть

יְכַר אֶסַע חוֹגֵג בְּרֶכֶב-מִדּוּחִים:
לְכָל חוּוֵי-קִידָה קִימַת חַן-חַן אֶקוּמָה
וּמִימִינִי וּמִשְׁמָאֲלִי יִזְהִיבוּ חַיּוּכִים
כְּמוֹ בִשְׂדֵרָה צָרָה הַמּוֹבִילָה לֹא-כְלוּמָה.

אָנִי יוֹדֵעַ: זֶה אֶתְנֶן אִים אָבִי!
הוּא יֶאֱפֹסֵנִי פֶה לְדַעַת.
עִם כָּל הַיָּדוֹד נִרְצַח בִּי אִיזָה צָבִי.
עִם כָּל חַן – חַן בִּי קָרַן-הַיּוֹד נִגְדַעַת.

הַחַיּוּכִים! – כְּאֶצְבְּעוֹת דְּלִילָה סְבִיב.
הַתַּעַר מִתְהַפֵּךְ. מַחְלְפוֹתֵי גוֹדֵעַ.
עֵיפֹתֵי כְּבֹר לְהִיּוֹת חֲבִיב
וְאִישׁ רַעִים לְהִתְרוּעֵעַ.

"שער המפולת"

חצות

אֶת סוֹד שְׁמַעְבֵּר לְפֶשֶׁר-דְּבָר,
הַנֶּפֶשׁ-בְּכָל-מְאֵדָה אֶת.
לִילוֹת הֵם פֶּתַח־חַוֹן כָּל כְּלוּבֵי הַבֵּיבֵר
בְּיַד לֹא-שְׁפִיחָה שֶׁל הַדַּעַת.

הַשֶּׁקֶל הוּא יוֹם; מְטָרָף שְׂבִלּוּל
חֲבִשׁוֹ הַרוֹפֵא הַבּוֹטֵחַ.
אֶף לִילָה – שְׂרָפָה בְּתוֹךְ בֵּית נְעוּל,
וְנִשְׁאָר מִבְּחוּץ הַמִּפְתָּח.

בְּפִתַח אֶרְאָה הַעֲוִית בְּיַדִּי,

⁴ Имеется в виду библейский рассказ о том, как красавица филистимлянка Далила обрзала локоны, делавшие еврейского богатыря Самсона неуязвимым

Конвульсии страсти полночной.
Ночь – вопль бесконечный: "Спаси нас, Господь!"
Ответ: "Невозможно помочь вам".

Хлещи душу, кнут, дочь лесов и степей,
Что с песней
Всё топчет
И рушит!
Поэт – укротитель свирепых страстей
В зверинце, где буйствуют души.

1938

Из цикла "Из шерсти ягнёнка"

За грехи

О поколение – убийца всех легенд!
В припадке буйства ты детей убило.
Захочешь вознести мольбу, а слов и мыслей нет.
Оплакать мёртвых – нету силы.

Утешиться не сможешь. Наконец,
Как отчим, к богу мести глас возвыся,
Ты ниц падёшь, моля:
"Прости мой грех, Отец!
Зажги звезду надежды чистой в высях!"

Он пощадит и повелит звезде из снов,
Фантазий детских наших и сказаний
Сиять, но
Слабым зрением еретиков
Мы удостоимся ль узреть её сиянье?

Сумеем ли взрасти, как стебелёк весной,
Открыть, как в День творенья, миру души,

זָה יִצְרֵי הַלַּיְלָה הָאֶצְבִּיעַ.
לַיְלֹת – זַעֲקָה הֵם: הוֹשֵׁעַ-נָּא שְׂדֵי!
וּתְשׁוּבָה: לֹא אוּל לְהוֹשִׁיעַ.

עַל נֶפֶשׁ-מִיעַר הַצְּלִיפָה הַשּׁוֹט!
דָּרָסָה
וְהַחְרִיבָה
וְשָׂרָה.
הַיִּיתָ, פִּיטוֹן, לְמַכְנִיעַ-חַיּוֹת
וְזֶה לְכַתֵּף הַבִּיבְרָה.

"בצמר גדי"

על חטא

הֵה דוֹר רוֹצֵחַ-אֲגָדוֹת,
דוֹר מְשַׁכֵּל-עַצְמוֹ-לְדַעַת!
תִּרְצָה לְשֹׂאת תִּפְלָה – וְלֹא תוּכַל לְבַדּוֹת,
לוֹמַר קְדִישׁ – וְלֹא תִדַּע עוֹד.

לְהַנְחִים תִּרְצָה – וְלֹא תוּכַל.
כְּלָאֵב-חוֹרָג, אֵל אֵל קִנָּא תְּבוֹאָה
וְתִתְפַּלֵּשׁ: עַל חַטָּא...
וְתִתְחַנֵּן : מַחֵל...
וְתִתְיַפֵּחַ: נָא לְהַט, לְהַט כּוֹכַב גְּבוּהָ!

וְהוּא יִחְמַל וְיִצוּ לְכוֹכְבִים לְלֵהַט
מֵאֲגָדוֹת יְלָדוֹת אֲשֶׁר נְמוּגָה.
אֲבָל אֲנַחְנוּ
בְּמִינוֹת עֵינֵינוּ הַכְּהוֹת,
הֵאֵם נִזְכָּה לְרֹאוֹת הַנְּגָה?

לְצַמֵּחַ מִחֲדָשׁ וּבִרְטוּט גְּבֻעוּלִי
עֵינֵי-בְּרֹאשִׁית-בְּרָא לְפָקֹחַ כְּמוֹ נֶבֶט,

Наивным чувством, песенкой простой
Вновь детство оживить, умеющее слушать?

Мы сможем ли вернуть
Естественность тех лет,
Вообразать, поверить в то, что раньше было?
О поколение – убийца всех легенд!
В припадке буйства ты детей убило.

Из цикла "Другое Бытие" (1938)

Молитва

Прости мне, Всевышний, кого мы должны
Звать Именем (это – закон и обычай).
На мне нет вины, на мне нет вины:
Язык наших слов слаб, я косноязычен.

Мы слово не раз, не жалея труда,
К товореньям Твоим обращали, но тщетно.
Иль не родились мы в пустыне тогда,
И он не отец наш, тот п е р в ы й ? Ответь нам!

Ведь он, вечность ночи впервые поправ, -
Мохнатый и рыжий, - бредя утром ранним
Среди Твоих райских деревьев и трав,
Умел изъясняться, как овцы, мычаньем.

Дождь полю внимал тогда, агнцы – громам
И Каину Авель (их было лишь двое).
Но что делать нам? Что, скажи, делать нам,
Бросающим слово в пространство пустое?

Прости меня, Ты, кого звать мы должны

ומגלוי תמים, מזמר אוילי
הדשא את ילדותנו הקשבת?

האם נזכה?
האם נוכל לבדות?
ולהאמין, להאמין - האם נדע עוד?
הה דור רוצם-אגדות,
דור משכל-עצמו-לדעת.

"בראשית אחרת"

תפילה

סלח לי, אלה, שכנוף בשם,
אתה הנגלה, הזורח מנגד.
אינני אשם, אינני אשם,
כי שפת המלים נבוכה ועלגת.

רבבות פעמים כבר נסינו דבר
אל כל יצוריה – אף הם לא הבינו.
אולי לא נולדנו גם אז במדבר,
וזו שהיה ה ר א ש ו ן - לא אבינו?

כי אז, עת הבקר, שער ואדמון,
דרס ראשונה את נחו של הליל,
ידע גם אבי, גם אבי הקדמון
לגעות את מליו כמו איל אל איל.

אז גשם אל דשא ורעם אל ששה
דברו והקשיבו אל הבל וקין.
ומה נעשה עוד, מה נעשה
אנחנו, דוברי המלים אל האין?

סלח לי, אלה, שכנוף בשם,

Лишь Именем. Сердца прими покаянье.
Меня научи (ведь на мне нет вины)
К твореньям Твоим обращаться мычаньем.

Пастырь⁵

Простор дышит жадно всей грудью своей,
Вьсь жаждет подняться до самого неба.
Свет льётся, тугих струй молочных белей.
И запахи шерсти,
И запахи хлеба.

Пастух – весь вниманье: прекрасный мотив
Лаканья доносится от водопоя.
Босое,
Пять чувств на ходу обнажив,
К полудню направилось утро с зарёю.

То утро Начала, и дышит земля
Парами росы, фимиамом навоза.
Земля без границ – человек и поля.
Поля без границ – Авель, овцы и козы.

Землепашец

Верблюды в плуг запряжён. Ты в поле один.
От кома ком должен, трудясь, отделить ты.
Ещё никогда не был мир так един,
В едином мгновенье все вечности слиты.

Убийства знаменье!
То Каина плуг

סלח למלי, לנפשי שנבוכה.
אינני אשם, אינני אשם/
עזרני לגעות ליצוריה, כמוך.

רועה צאן

הרחב הזה, המפשיק נחיריו.
הגה הזה, הכמה א ל י ר.
האור, השופע לבנות החלב.
ורים הצמר.
ורים הלחם.

ולרגל הצאן ואדם הקשב
לרן הלקלוק בתוך שקת המים,
חף,
במחשוף כל חמשת חושיו,
פוסע הבקר אל-מול צהריים.

זה בקר-בראשית! בשדות יאדה
טללים מן הדשא. וקטרת הזבל.
מאפק עד אפק: אדם – ושה.
מאפק עד אפק: העדר – והבל.

עובד אדמה

גמל – ומחרשת. הלהב החד.
הפרד מתנגע ב'ן רגב לרגב.
מעודו לא היה העולם כה אחד,
וכל הנצחים חבוקים תוך הרגע.

זה רמז לרצח.
זה להב נדחק.

⁵ "И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец... И восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его". (Бытие, 4, 2-9)

Разбил цельный ком. Никогда ещё не был
Так мал промежуток, ужавшийся вдруг,
Между человеком,
Верблюдом
И небом.

Где ты, Каин?

Покой урожая деревьев и злаков.
Но день, как лоза, - словно кровь, выжат сок.
Обрублено солнце и высится знаком:
Овцы голова, петуха гребешок.

И первая ночь.
В поле ком, ожидая,
Вновь пахоты жаждет, скорбящий в ночи:
Где же ты, Каин? Где же ты, Каин?
Каин молчит.

Тувал-Каин⁶

Руки возмужавшей строителя взмах
Осмыслен и точен, силен и уверен...
Но стоны быков на осенних полях,
Но плач жерновов, вдруг лишившихся зёрен,

Но поле остывшее, осиротев
Без шерсти стеблей и листов, что опали,
Но первая дрожь первобытных дерев,
В предчувствии силы железа и стали...

זָה קַיִן אֶחָדוֹת-שְׁבָרָגָב מִבְּקִיעַ.
מְעוֹלָם לֹא הָיָה כֹּה מְעַט הַמְּרוֹקֵק
בֵּין אָדָם
וְגַמֵּל
וְרִקִיעַ.

קַיִן, אֵיכָה !

שְׁלוֹה שְׁבִיבּוֹל לְאֵילָן וְשִׁבְלֵת.
הַיּוֹם, כְּמוֹ גֶפֶן, בְּסוֹד הַמְּבָשֵׁל.
הַיּוֹם, שְׁמֵלֵק חֲמָתוֹ כְּכַרְבֵּלֵת.
זָה כְּבֶשׂ שְׁחוּט, וְרֹאשׁוֹ הַמְּפָשֵׁל.

זָה לְיֵלָה רֹאשׁוֹן.
מִכָּל תֵּל וְכָל שְׁקֵעַ
שׁוֹב רָגַב שְׁפוּל מְצַפֶּה לְחָרִישׁ.
קַיִן, אֵיכָה ! קַיִן, אֵיכָה !
וְקַיִן מַחְרִישׁ.

תּוֹבֵל-קַיִן

יָד חֲכָמָה בְּתַנּוּפֶת-בְּטָחוֹן.
גְּבוּרֹת בְּנֵאִית בְּקִפְדָּה מְאֻנָּכֶת.
מוֹל אֲבָל טַחְנוֹת שֶׁהִפְסִיקוּ לְטָחוֹן.
מוֹל פֶּר הַגּוֹעָה עַל קֶרְחָה וְשִׁלְכָת.

הַצְּבִי הַשְּׂדוּד! הַשְּׂדָה שֶׁהִפְשִׁיט
פְּרוֹת גְּבְעוּלָיו וְדָשְׂאִיו הַמְטַלְלֵת.
רַעַד רֹאשׁוֹן לְעֵצֵי הַבְּרָאשִׁית
אֶל מוֹל הַבְּרָזֵל וְהַפְּלָד.

⁶ Тувал-Каин, "шлифующий и куящий всякую медь и железо" – потомок Каина в пятом поколении (Бытие 4, 22)

Растёт город ввысь, расправляет он грудь.
Послушны отвесу ровняются зданья.
"Послушен руке Тувал-Каина будь,
Забудь речь колосьев, овец лепетанье".⁷

Дождь в Содоме⁸

Дождь смотрит вниз из заоблачных далей.
Видит он город – могучий колосс.
Вмиг сотни тысяч густых вертикалей
Дождь-архитектор на стены нанёс.

Воды бесплодные труб водосточных,
Хлынув потоком с небес, смыли все
Слёзы в асфальты закованной почвы
По семени,
Листьям,
Росе.

Новое Бытие

Лучами коснулось деревьев светило.
Рассыпчат песок, влажен, чист, как вода.
Встаёт человек, расправляет всё тело.
Мычат, как в молитве, с зарёю стада.

Покой сладким мёдом разлит над полями,
А тело вселенной младенца нежней.
И просто, как овцы друг с другом, - слогами
С Творцом говорит Бытие первых дней.

מחמיר וגבה הפסיע הכרה.
ציתו החומות לאנה ומשקלת.
"צית לגזרת תובל-קין ושכח
שפתן של כבשה ושבלת".

גשם בסדום

השקיף ממרום ומדד את השטח:
הכרה השתרע גברי ורחב.
וביד ארדיכל מגבה מושטת
הגשם הציב רבבות אנכיו.

גשם עקר, היורד ברבוע,
אסיר מרזבים, מרצפות וביוב.
בכי אדמה, שאספלטים כבוה:
על זרע
על טל
על לבלוב.

בראשית חדשה

רטב וגבע החול הקמח.
השחר מתריג צמרות ובלרית.
אל מול האדם וגופו הצומח
גועים עדרים בתפלת שחרית.

דחוס ומרגיע הדבש בכנרת.
גופו של עולם תינוקי ונרד.
בראשית חדשה עם קונה מדברת,
כאיל אל איל, בשפת הברות.

⁷ В ивритской поэзии до Шлэнского Тувал-Каину посвящено стихотворение Ш.Черняховского "Песнопение детям Тувал-Каина" и поэма З.Шниура "Части (главы) леса", но там таких слов нет. Возможно, это не цитата, а прямая речь автора

⁸ Содом и Гоморра – библейские города, разрушенные Богом за грехи их жителей (Бытие 19, 1-25)

* * *

"Из песен спелого утра"

Первобытная ночь

Тяжелее рук пахаря и грабаря,
Ты, как поле, росиста, душиста, как пашня.
Он, как ты, первобытная ночь дикаря,
Так же тёмн. Он груб, первобытен и страшен.

Приближаются к стойлам стада из степей.
Сколько мрака в крови и глубинного зова!
Он поёт. Его песня сочнее и красней
Щёк румяных, вина молодого.

В твоём теле страстей затаённый пожар.
Ненасытный, огромный он пламенем дышит.
Ты пахни на нас жаром божественных чар,
И союз наш скреплён будет свыше.

Пробуди в нас желанье пустыню любить
И руками крапиву ласкать не бледнея,
Вод теченье под почвой сухой уловить
И, запев: "О, ликуй, нерожавшая!", сеять.⁹

Пусть земля будет полем для нас шелестеть,
Зеленеть, колоситься – бесплодна от века.

משירי הבוקר הבשל

לילה קדמון

ריחני כְּחַרִּישׁ, מְטַלֵּל כְּשֶׁדָה,
וְכַבֵּד כְּאָדָם וְיָדוּ הַיּוֹגֵבֶת.
הוא, שְׁעִיר וְקִדְמוֹן, אֶת אֶפְלוֹ יֵאָדָה.
אֶת לֵילוֹ הָעֵתִיק שֶׁל הַגְּבֵר.

עֲדָרִים-עֲדָרִים נִצְמְדוּ אֶל אָבוֹס.
כְּמָה אֶפֶל בְּדָם. כְּמָה אֶפֶל וְעֵמֶק.
וְהוּא שָׁר, וְהוּא שָׁר אֶת שִׁירוֹ הַדְּחוּס
בְּתִירוֹשׁ וּבִסְמֶק.

וְסִמְרוֹ תִבְעֵרוֹת, שֶׁשֶׁתְּקוּ בְּגוֹפֶךָ,
וְשִׁלְפוּ רַעֲבֹן, וְהוּא סוּם מִלְשָׁבַע.
נָא נִכְמַר הַבֵּל-פִּיךָ עָלֵינוּ וּפְחָה.
אֱלֹהִים, חֲשִׁקֶךָ מִגְּבָה.

וְשִׁסְנוּ לַחֲמַד סִרְפָּדִים בְּצִיּוֹת,
לְלִטֹף בְּיַחֲפָה עוֹלְמָה הַצְּחִים,
לְרִיחַ הַמַּיִם סְפוּנֵי-תַחְתִּיּוֹת
וּבְזִמְרַן נִי עֵקֶר הָ - לְהַצְמִיחַ!

וְרִשְׁרֵשׁ מֵעֲלֵינוּ שְׁדָה גְבְעוּלִית,
וְהַדְּשָׂא וְהַשְׁבֵּל אֲדָמָה מְרַגְבֶּת,

⁹ "Ликуй, бездетная, нерожавшая,.. ибо сыновей покинутой больше (будет, чем) сыновей замужней, - сказал Господь".
(Танах, Пророки, Исая, 54,1)

Его семя растить
Научи её впредь,
Первобытная ночь дикаря-человека.

1947

Ведь ты

Нагота в фимиаме паров удобрений.
В каждом выдохе пашни тепло и покой.
Из ноздрей её веет росы испареньем.
В нетерпенье невеста укрылась фатой.

Как густы косы мягких борозд и могучи!
Пашни каждый комок полон ласки и сил.
Вечер месяца нимб ей принёс из-за тучи,
Дорогим обручальным кольцом одарил.

Ты ведь сужена мне, и мне всё здесь по нраву:
Тихий шорох репья, шелест мыслей без слов.
Ты удобрена самым прекрасным составом –
Подношением сытых овец и коров.

Ты пронизана острым терновника стеблем,
А охрана – бурьян и репейников рать.
Но придут к тебе пахари, травы колебля,
Урожай семенами своими зачать.

Я в твой храм прихожу каждый раз обновлённым.
Изобилью и шири твоей нет конца.
Ты ведь сужена мне полем страсти влюблённых.
Будь вовек плодоносна! Восславим Творца!

* * *

Обет

אתה המצמיח,
אתה המוליד,
לילו העתיק של הגבר.

הרי את

עריה היא – מקטרת אד וזבל.
תובעת ונושפת את חמה.
שדה – ומנחירה טל והבל.
פלה – בהינומה. ויחומה.

מה פֶרַע שְׁעָרָה, ומה צֶמַח
נְכוֹנוֹ רִגְבִיהָ לְהַדְשִׂיא.
וַיִּזְשֹׁט לָהּ אֶת פֶּלַח הַיָּרֵחַ
הָעֶרֶב כְּטַבַּעַת-קְדוּשִׁין.

הרי את מקדשת לי בְּדֶשָׁא,
בְּרַחֲשׁ שְׂרַעְפוֹת וְדַרְדְּרִים,
הרי את מזבלת לי בְּדֶשֶׁן,
בְּגִלְלָהּ שֶׁל צֹאנִים וְעֵדְרִים.

נוֹבְבַת לִי בְּשִׁבְלַת וּבְשִׂית,
שׁוֹבְבַת לִי חֲרוּלִים וְגִבְעוּלִים.
יְבֹאוּ יְבַעְלוּךְ חֹרְשֵׁיךְ
וְזָרַע בְּךָ יְקִימוּ לִיבוּלִים.

יְחַמְתִּי לִי, וְאַבֹּאֶה אֶל הַקֶּדֶשׁ.
רַחֲמֵתִי בְּךָ הַמָּתֵם וְהַרְוִיָה.
הרי את מקדשת לי בְּגִדְשׁ,
שְׂדֵה לַעֲת דוֹדִים. הַלְלוּ-יָהּ!

* * *

גדר

Детей, потерявших отца своего,
Вдов крики, что сердце на части мне рвали,
Мне память велела забыть - до того,
Как страшные дни, что забудешь едва ли,
Настали, и дал я зарок : ничего
Вовек не забыть, помнить в каждой детали.

Обидам, что в душах пришлось нам нести,
Без мести не дать позабыться до срока,
И гневу, что за ночь скопился в груди,
Остыть не позволить, упрятав глубоко.
Чтоб утром не сбиться с прямого пути,
Опять, как всегда, не усвоив урока.

1947

Из мрака

О гордый мой народ, в несчастьях закалённый!
Я сгинуть был во мраке со стыда готов.
Взгляни на мой позор:
Я, немотой сражённый,
Вернулся вновь к грехам, лишившись слов:

Оглух, чтоб никогда не слышать о Содоме,
Ослеп – не видеть поднятый над жертвой нож,
И онемел – ребёнок бедный: заперт в доме,
Стремится молча слёзы скрыть и дрожь.

Не так ли лань в лесу дрожит, когда собаки
Замкнули круг, и ей спасенья нет?
Дрожала так вселенная во мраке,
Из хаоса воззвав: "Да будет свет!"

Да, я к грехам вернулся, слов лишённый.
Но к свету смог воззвать

על דעת עיני שראו את השכול
ועמסו זעקות על לבי השחוח,
על דעת רחמי שהורוני למחל,
עד באו ימים שאימו מלסלח,
גדרתי הנדר: לזכר את הכל,
לזכר – ודבר לא לשכח.

דבר לא לשכח - עד דור עשירי,
עד שך עלבוני, עד כלם, עד כלהם,
עדי יכלו כל שבטי מוסרי.
קונם אם לריק יעבר ליל הזעם,
קונם אם לבקר אחזר לסורי
ומאום לא אלמד גם הפעם.

ממחשכים

איכה נכלם קולי במחשכים האלה...
עמי הגא ונבון-היסורים,
ראה כי בושתי,
מכתי עדי אלם,
אוֹבֵד-מַלְיִם חֲזַרְתִּי לְסוּרִי.

אֶל עֲקֻדוֹת בְּסוּד הַמֵּאֲכָלֶת.
אֶל הַכְּפִירוֹת מוֹל סֹדִם וּבִיבְרִים.
אֶל עֶצֶר-בְּכִי, כְּשִׁתִּיקֶת הַיָּלֵד
אֲשֶׁר סָגְרוּ עָלָיו מִעֲבָרִים.

האם לא זה התמה שלאיל
אֶל מוֹל עוֹקְדָהוּ, כְּבַמְצוֹר ?
האם לא כָּה צַעֵק יְקוּם-שָׁל-לִיל
מִתוֹךְ הַבְּהוּ: "יְהִי אוֹר" ?

מִן הַמְצַר קִרְאתִי אוֹר.
מִמְחֻשְׁכִּים קִרְעֵתִי אֵלֶם.

И немоту прервать.
О гордый мой народ, в несчастьях закалённый!
Молчанье это
Голос должен был познать.

Товарищ по ПАЛЬМАХу¹⁰

Дане

По отчизне пути пролагая,
Помню каждый секрет и тайник.
Много дней не писал, дорогая,
Я, как надо, тебе, как привык.

Изменился твой друг, но немного:
Поумнев, так же чуток и прост,
И всего ему ближе в дороге
Изобилие вечное звёзд.

Загражденья мотки разбирая,
Я припомнил поэта среди дел.
" Если звёзды на ночь зажигают,
Значит, нужно кому-то?" – он пел.¹¹

Значит, в звёздах нужда не отпала,
И всегда,
И везде,
И опять
Мысль в войне против взрыва с начала
Всех времён будет насмерть стоять.

איכה נְכַלְמֵתִי, שְׁבֵתִי לְסוּרֵי...
רָצָה,
רָצָה קוֹלִי בְדוּמֵי־הָאֱלֹהִים,
עַמִּי הִגָּא וְנִבּוֹן-הַיְסוּרִים.

יְדִיד בְּפֶלֶחַח

לדנה

נְתִיבוֹת בְּמוֹלְדֵת נְתַבְתִּי,
בְּעַל-פֶּה שְׁנִנְתִּין עַד כָּל רֹז.
כָּבֵר יָמִים-וְלִילוֹת לֹא כְתַבְתִּי
לָךְ מִכְתָּב, כְּדַרְכֵי מִנִּי אֲז.

קֶצֶת אַחַר יְדִידָךְ בִּינְתִים:
קֶצֶת הוֹגָה, אַךְ כְּקֹדֶם – נִפְעָם.
אִין קְרוּב כְּכֹכְבֵי הַשָּׁמַיִם
בְּנֹצְחָם הַתָּמִים וְשִׁפְעָם !

אֲז נִזְכֵּר, בֵּין סְבָכָיו שֶׁל הַתֵּיִל
קוֹל-נִגּוּן שֶׁל פִּיטוֹן, שְׁנֵהֶם :
"כֹּכְבִים נִדְלָקִים בְּכָל לַיִל.
זֶה סֵמֶן שֶׁיֵּשׁ חֶפֶץ בָּהֶם!"

זֶה סֵמֶן שֶׁיֵּשׁנוּ בָּהֶם חֶפֶץ,
שְׁתַּמִּיד
שְׁתַּמִּיד
שְׁתַּמִּיד !

וְעֵדוּת - הֶהָגוּת מוֹל הַנֶּפֶץ
בְּחִזֵּית שְׁקוּרֵין קְדוּמֵנִית.

¹⁰ ПАЛЬМАХ – ударные отряды еврейской самообороны во времена британского мандата в Палестине

¹¹ Вл. Маяковский. "Послушайте!"

Словно к осени сок винограда,
Ночь сгустилась, и верить хочу:
Я спою тебе песню, как надо,
Лбом прижавшись с любовью к плечу.
1948

Пробуждение

Х.Н.Бялику

2

Слышишь выдох могучий, удар топором,
Молотком, и киркой, и зубилом?
И, как острый резец, мысль врезает перо –
Так писал, так ваял,
Так творил он.

Одним взмахом - и в цель он без промаха бьёт.
Камнетёс не потратит сил даром,
А короны краса –
Она п о с л е придёт,
Вместе с умным и точным ударом.

Одним взмахом! - Для первой строфы тайны нет
И важней не бывало от века.
Только так сам себя коронует поэт
Настоящим венцом дровосека.

Камнетёса, строителя
Тяжкий венец...
Это дети пустыни ¹² на верной дороге.
Бури песен моих,
Удар молнии в стих...
Стой! Помедли, творец!
Совершенной работы не трогай! ¹³

ליל בציר, כְּגִפְנִים בְּכַרְמִיָּה,
וְדָחוּס עֲסִיסוֹ הַנוֹטֶף.
עוֹד נָשִׁיר עַל כּוֹכֵב וְעַלִּיָּה,
עַל מִצְנַח רֹאשׁ אֱהוּב עַל כְּתֶף.

בהקיצ

לח.נ.ביאליק

ב

הַשְּׁמַעַת נְשׁוּף אֲבָחְתוֹ שֶׁל חוֹטֵב
כִּי יִנְחִית קֶרְדָּמוֹ, - זֶה הַלְּמוֹת הַמְקַבֵּת!
כָּכָה הוּא כּוֹתֵב,
כָּכָה הוּא כּוֹתֵב,
זְכוֹרוֹת גְּרָזְנוּ הַחוֹצֵבֵת.

בְּמַחִי אֶחָד – וְאַל הִחְטִיא הַמְטָרָה!
זְכַרְתִּי סוּד מְחֻצָּצִים: כֹּהֵן וְדַעַת.
הִיא בָּאָה אַחַר – כֶּן הָיָה: יְפַעַת הַעֲטָרָה.
פְּקַחַת:
הַמְכָּה וּבּוֹקַעַת.

בְּמַחִי אֶחָד! – וְזֶהוּ סוּד עֲצָמוֹ
שֶׁל בֵּית-הַשִּׁיר בְּהִצְבוֹ הַשֶּׁעַר.
וְזֶהוּ שְׁמִכְתִּיר מְשׁוֹרֵר אֶת עֲצָמוֹ
בְּקֶתֶר הַחוֹטֵב-בִּיעַר.

כְּתֵר הַחוֹטֵב

וְהַחוֹצֵב

וְהַבְּנָאִי!

יְלִדֵי הַמַּדְבָּר, - אֵךְ בְּאַרְץ נּוֹשֶׁבֵת.
הוּא סוּפוֹת רְנָנִי,
הוּא בְּרִקְי עֲנָנִי:
כֹּלָא וּבְלוֹם, - כִּי מְלֹאכֶת-מַחְשָׁבֵת.

¹² Намёк на стихотворение Х.-Н.Бялика "Последние мертвецы пустыни"

Стены моего дома

Нет, стены дома – не преграда между мной и миром.
 Какое благо – вслушиваться в то, как ты растёшь!
 Тот, кто внимает всем, не слышит ничего.
 Лишь заглушив в себе весь шум, чтоб вникнуть в тишину,
 Услышать можно всё, услышать всех.

Нет, стены дома – не преграда между мной и миром.
 Они – глаза закрытые того, кто смотрит в суть.
 Ведь тот, кто в даль глядит, не видит ничего.
 Лишь устремив свой взор на главное, одно,
 Ты удостоишься увидеть всё.

Нет, стены дома – не преграда между мной и миром.
 Лишь скрывшись в них, открыться можно не стыдясь.
 Ведь, обратясь ко всем, не говоришь ни с кем,
 А разговор двоих лишь им и предназначен.
 Но тот, кто говорит с душой своей, - его слышат все.

Нет, стены дома – не преграда между мной и миром...
 1956

Когда проходишь ты

Посвящается М.Ш-и

Ты в городе моём по улицам идёшь,
 Как по тропинкам в поле.

כתלי-ביתי

כתלי ביתי אינם כחיץ ביני לבין עולם, -
 יש חסד הצמיחה, המקשיבה אך פנימה,
 כי המקשיב לכל אינו שומע כלום,
 רק המחריש המלותיו לשמוע הדממה
 שומע את הכל ואת כלם.

כתלי ביתי אינם כחיץ ביני לבין עולם, -
 הם עצימת-עיניו של הרואה דבר עד תם:
 כי הרואה הכל אינו רואה מאומה,
 רק הצופה אל האחד-ואין-בלתו
 זוכה לראות כל הדברים כלם.

כתלי ביתי אינם כחיץ ביני לבין עולם, -
 הם סוד ההתגלות לומר באין מקלים;
 כי הדובר בשער אינו דובר לאיש,
 והסחים טנדו סחים אך זה לזה,
 רק המסחים עם נפשו מסים עם כלם.

כתלי ביתי אינם כחיץ ביני לבין עולם.

בעברך

למ. ש"י

בעברך בחוצות עירי,
 נראים הרחובות כמשעולים בשדה.

¹³ Намёк на стихотворение Х.-Н.Бялика "Беги прочь, провидец!" о пророке Амесе (см.), где плодотворному физическому труду отдаётся предпочтение перед творчеством и провидением поэта

Если бы здесь протекала речка,
Пыталась бы вода её, покинув берега,
Приблизиться к твоим ногам, чтобы лизать их.

А ночью раскрывается звёзд парашют вверх,
И, кажется, летает старый ангел в темноте,
Подкручивая плоскогубцами своими золотые гайки,
Чтобы не облысели небеса, звезду теряя за звездой,
Когда ты в городе моём по улицам идёшь.

Деревья и дома, друг против друга,
Склоняются перед тобой
И замирают,
Как снопы во сне Иосифа.¹⁴
И, если обернёшься,
Увидишь пса, бредущего поодаль за тобой.
Он тоже долу голову склонил
И подбирает, кажется, невидимые блёстки, упавшие с небес.
Ты намекни ему, чуть снисходительно моргнув,
Что ты знакома с ним давно, что он есть я.

1957

Намёки подвешенной луны

Глаз дня слезой истёк, устав.
Глаз вечера раскрыт вполнеба.
Росинкой на краю листа
Луна подвешена, как небыль.

Пёс лает на луну. А жаль!
Она, как чудо, там высоко
Висит, как притча.

ואלו שטף פה נחל,
היו מימיו יוצאים מגדותיו
ללחוף מרגלותיה.

בלילות – מצנח הפוכים,
ומלאך זקן מתעופף כבכול במלקחיו
לחזק ברגיהם-זהב,
פן יקרחו המרומים כוכב אחר כוכב,
בעברה בחוצות עירי,

בתים ואילנות מזה ומזה
מחויים קדה
ועומדים-דם
כאלים בחלומי של יוסף.
ואם תסבי פניה אחר
ותראי כלב מתעקש בעקבותיה,
והוא אף הוא כמשתחנה אפיים,
או כמלקט את מפל-המרום המדמה, -
רמזי נא לו בניד-עפעף סלחן,
כי הפך הכרת בו, שאני הוא.

רמזי הירח התלוי

עינות הערב העולה.
עינות היום התם לנבוע.
כאגל טל בקצה עלה
תלוי ירח מגבוה.

תלוי בגם –
ולא ישל.
לשוא ינבח מולו הכלב!

¹⁴ Библейский миф о Иосифе и его братьях

В ней мораль
И больше тысячи намёков.

Намёки вздыбленных хребтов,
Что жаждут в водах отразиться,
Намёки ждущих голосов,
Чтоб дважды эхом насладиться.

Намёки раковин морских,
Открывшихся, как для признанья,
Намёки ряби волн немых
Отливов нашего молчанья.

Намёки рук, что ждут любя,
Намёки глаз, чья речь всё тише,
Ушей, что слышат лишь себя,
Чтоб убедиться, что их слышат,

Луны, висящей неспроста
Росинкой на краю листа.

О нет,
Она не упадёт
И будет там висеть до срока,
И притчей в стих она войдёт
И с нею тысяча намёков.

1957

Могуч лес в пору листопада

Могуч лес в пору листопада,
И нет тропинки, нет пути,
А даль настойчива, и надо
Вновь спрашивать и вновь идти.

תלוי כרמז ומשל
שנמשליו עצמו מאלף.

רמזי הגבה החומד
לראות צלמו בראי המים.
רמזי קולות צופים להד:
לחיות הפלא פעמים.

רמזי פתחה של קונכייה
אל מול התמה והקשב
ונסיגותיה ודכיה
של שתיקתנו העקשת.

רמזי הכח ועצמו
רמזי העין הנובע
רמזי שומע-את-עצמו
להוכיח כי יש שומע.

רמזי ירח הנתלה
כאגל טל בקצה עלה

הוא לא ישל.
הוא לא ישל. -
לשוא ינבח מולו הפלב!
על-כן שרנוהו כמשל,
שנמשליו עצמו מאלף.

האדיר הגווע

אדיר היער בשלכת
ואין משעול ואין משעול
והמרקק גוזר ללכת
ומחדש לתחיל לשאל.

Кому подобен ты, коль паства
Блеск фраз понять не в силах впредь,
И новой речью – вот лекарство! –
Теперь ты должен овладеть?

Мать сыну сказку рассказала:
Жил-был старик – богат, могуч,
Но, за собою дверь подвала
Закрыв, не смог найти он ключ

И, пойманной подобен мыши,
На груди золота вопил.
Никто не отвечал, не слышал,
Лишь эхо - до потери сил.¹⁵

Так сказку мама завершила,
И эхо скрыл подвала свод.
Но неотступно мысль сверлила:
Могучий с голоду умрёт.

Могуч лес в пору листопада,
В нём нет следов былых путей.
Теперь тебе речь строить надо
Из неотёсанных камней.

1960

Моё поколение

Всё отрицая, верить предпочтёт.
Час колебания: не ясно, чья возьмёт.
Таким быть может мир в конце времён,
Но лес стоит. Пусть не сдаётся он!

אֶל מִי דְמִית כִּי דְלוּת
הָיוּ צִאנֶיךָ לְבָרוֹת
וַיִּכְמוּ הָעֶרֶב הַחֲלוּת
צָרָף מְלִים מִהֶבְרוֹת?

אֶל הַכֶּסֶף יֵעָלֶיךָ הַיֵּלֶד
שָׁמַע סְפוֹר מִפִּי אִמּוֹ
אִיךָ נִסְגְּרָה עָלָיו הַדְּלֵת
וְהַמִּפְתָּח בַּל עָמוּ.

אִיךָ כְּעֶכְבֵּר לְכוּד שׁוֹעַ
עַל דִּינְרָיו – עַד הַתְּעַלְפִּי:
כִּי לֹא עָנָהוּ קוֹל שׁוֹמֵעַ
זוֹלַת הַדּוֹ שְׁלִמְרַתְפִּי.

תָּם-וְנִשְׁלַם סְפוֹר שֶׁל אִמָּא.
חֲתָם הַהֵד עַל מוֹרְאָיו.
וְרַק הַדְּמוּת הַדְּמוּת הַפְּנִימָה:
אֲדִיר גּוֹזֵעַ בְּרַעֲב.

אֲדִיר הַיַּעַר בְּשִׁלְכָת.
נִמְחוּ נִמְחוּ עֵקֶבֶי הַשְּׁבִיל - -
אֵל עוֹד תִּבְנֶה גְזִית מְלִיךְ
חֲצוֹב דְּבָרָךְ מֵאֲבָן-גְּוִיל.

מראה דורי

מְרֵאָה דוֹרִי – מְרֵאָה שֶׁל קֶץ-יָמִין:
מִסִּית לְכַפֵּר, גּוֹזֵר לְהֶאֱמִין.
שְׁעָה שֶׁל תִּיקוֹ הִיא וְנוֹעַ-כֹּה-וְנֹכַח, -
אֵל יוֹתֵר הַיַּעַר עַל כּוֹחַ!

¹⁵ Легенда об Аврааме Акаспи

Там вспышки молний остриём копья
Над кронами качаются дразня.
Там сладок страх, сладка там лесть людей.
Ни листьев золоту не верь, ни ей!

Разочаруют блеск и лживость слов.
Как крона в бурю, выжить будь готов!
Проникла в сердце мысль, и страх исчез.
Мы – поколение конца чудес.

1968

Перед зеркалом

Гордый, разумный крылья сложил.
Ясные дали, мощные кроны.
Дерзость моя от избытка сил,
Царство моё без короны.

Кто же владеет жестоким венцом,
Грузом плодов ветви долу кто клонит?
Перед тобою ангельский сонм
Путь преграждает к короне.

В ней будут чары, в ней будет напев,
Но не венца – искры жаждешь вначале.
Ангелы взяли ковчег, победив.
Белой короной ребёнка венчали.

Мальчик чужой выступает из рам.
Искра смятенья в глазах отраженья.
Ужас Исаака. Седой Авраам
Ветви несёт для сожженья. ¹⁶

ברק לסתו! כלהב החנית
על צמרות יבליח להקניט.
פחדו מתוק, ולחן שלחות-זֶהב
אל יפתה הלב למדוחיו.

חנו אכזב. שפתהו חנפה. –
ירום הודך, צמרת בסופה!
הלב ישכיל, הלב יבין לאות:
מראה דורי – מראה של קץ-פלאות.

מול הראי

גאה ושפוי וכנפיו אסופות,
חורש תועפה – ועד נגה!
הצפתי, שחמדה כוכבים בסופות,
מלכותי בלא תגא.

מי חבשה עטרה אכזרית
והכביד פרותיה עד מוט הצמרת, -
את שעם כל אראליה שרית
ואהבת מצויקה, כי הם התפארת.

כי הם כסופיה, כי הם רנונה,
פתור הכתרים – ואיית הגחלת.
נצחו אראלים, ונשבה ארונה, -
כתר לבן על ראשו של הילד.

ילד צופה בי – נכרי ונדחם,
גץ-משובה מהסס בעיניו.
פחד יצחק מול שיבת אברהם.
עצי עקדה על כתפיו.

¹⁶ Библейский сюжет о том, как Авраам должен был доказать силу своей веры, принеся в жертву сына Исаака.

Ответ молчащего

Да, я молчу.
 Не потому, что нечего сказать,
 А потому,
 Что не умеешь слушать.

И, если вдруг услышишь голос мой,
 Не думай, что я встретил наконец
 Имеющего уши, чтобы слышать.

Всё это – утешенье ложное, мол, есть мне что сказать,
 Бессилие попыток смолкнуть.

Быть может, встречу того, кто вразумит меня
 Молчанию закрывшего колодец камня...
 А вокруг верблюды...

Но
 "Верблюды ведь не плачут," –
 Сказал мудрец пустынь.
 И сразу образ поэта, певшего: "Все мы немного лошади",
 Возник передо мной.¹⁷

Я б намекнул ему
 Из той страны, где жили некогда Авраам и Элиэзер,
 О плаче и верблюдах,
 Сказав:
 "Мы все немного

תשובתו של השותק

אני שותק, -
 אך לא משום שאין לי מה לומר,
 כי אם
 משום שאין אתה יודע להקשיב

וכשתראני מדבר, -
 אל תדמה, כי מצאתיו,
 את שאזנים לו לשמוע.

זה רק מנחם-שוא, שיש לי מה לומר,
 ומכשולן הכח להחריש.

אולי אפגיע בו, שישכילני
 שתיקת האבן על הבאר –
 והגמלים סביב לה?

אך
 "הגמלים אינם בוכים," –
 אמר חכם-המדברות,
 וזכר הפיטן, ששר "כלנו קצת סוסים",
 עלה אל מול נופי.

אולי אחוד לו גם אני
 מארץ אברהם-ואליעזר
 את רמז הגמלים והבכיה. –
 לאמור:
 "כלנו קצת"

¹⁷ Вл.Маяковский "Хорошее отношение к лошадям"

Верблюды..",
И добавив:
"О, нет!
Идти всё время в песках без края и конца,
Томясь от нескончаемой жары
И жажды,
Мешая шутку со слезой...
Но и конец –
Песок,

И жар,
И жажда..".
Нет, не могу. Не может человек
Остановиться,
Замолчать.

Наверное, когда-нибудь пойму,
Что нет вокруг меня ни видящих, ни слышащих,
И стану мудрым.

Я называю это молчанием.

1968

Частички кроны

Ты видишь? Дерево в шафран окрасилось за ночь.
Ты слышишь? Листья вдруг в припадке буйства
Из кроны друг за другом рвутся прочь,
Замыслив, будто бы, самоубийство.

Ещё не собрались на небе в рой
Все звёзды, как частички кроны этой,
И с песней траурной, а, может быть, с хвалой,
Сорвавшись с крыши, опадут с рассветом.

גמלים..".
אָבֿל אוֹסֿיף גַּם זֵאת:
- הֵה לֹא!
לִלְכֵת כָּכָה בְּאֵין-סוֹף שֶׁל חוֹל,
אֵין-סוֹף שֶׁל שָׁרֵב
וְצִמָּא
וּבְטָחוֹנִי לְצוֹן-וְדַמַּע
כִּי גַם הַסּוֹף הוּא
חוֹל

וְשָׁרֵב
וְצִמָּא, -
אֵינִי יְכוֹל בְּלִי זְכוּת-אָנוּשׁ
לְנוּחַ
וּלְהַחְרִישׁ.

עַל-כֵּן אֲבִיט אֶל אֵין-רוּאָה
וְאֵין-שׁוֹמֵעַ, -
וְאֲחַכִּים.

אֲנִי קוֹרָא לְזֵאת – שְׁתִּיקָה.

בני עלון

אֵילָן מוֹל חִלוּנִי, מְכַרְכְּמֵי שְׁלוֹה
אֵיךְ הָעֵלִים לְפִתַּע – הַשְּׁמַעְתָּ? –
פּוֹרְשִׁים טָרֵף טָרֵף מִן הָעֵלּוֹה,
כְּמַתְנַכְּלִים לְתֵלוּשׁ-עֲצָמָם-לְדַעַת.

גַּם בְּמָרוֹם עֵדָן לֹא רָבוּ כְּהִלִּיל
הַפּוֹכְבִּים. כְּבְּנֵי-עֵלּוֹה גַם הֵמָּה:
בְּשִׁיר-קִינָה, - אוֹלֵי בְּשִׁיר-הִלִּיל, -
מְרַאשׁ הַגַּג יִשְׂרוּ וְיַעֲלֵמוּ.

Старинный листопад, шуршанье прежних дней,
Жестокий сплав слёз с пеньем, тьмы со светом....
Когда сгорает нива, дым стоит над ней.
Когда сгорает сердце, кто увидит это?
1968

Молитва о вымысле

Храни нас от избытка силы,
От отрицанья свысока
Мечты, что, словно ключ, забила
Там, где и почвы нет пока.

От знаний и ума засилья,
От смысла здорового: опять
Они из детского веселья
Хотят уверенность изгнать

В том, что невиданное чудо
Должно быть явлено судьбой,
И истины в нём больше будет,
Чем есть в реальности любой.
1968

Велик и благословен

Как велик труд вершащих большие благие дела!
Каждый раз в ореоле восходит луна. И во множестве звёзд
Поднимаются ночи по лестнице, к выси ведущей.

Научи меня, мудрый,
Украшающий будни,
Собирающий каплю за каплей росу,
Чтоб её превратить в кроны пышные рощи, -

שְׁלַכְתָּ עֵתִיקָה. רְשׁוּשׁ יֶשֶׁן-נוֹשָׁן.
זוּיג אֶכְזַר בְּנֵהי וּבְרָנָן.
בְּהִשְׁרַף קָמָה – יִגְעוּ תַמְרוֹת-עֵשֶׂן.
הַלֵּב כִּי יִשְׁרַף – מִי יִשׁוּרְנוּ?

תפלה על הבדות

שְׁמַרְנֵי יְהוָה, מֵעֶדְף-כֹּחַ;
מִן הַזְחִיחוֹת שֶׁבְּכִפְיָהּ
שֶׁל כָּל חֵלוֹם, הַשֵּׁשׁ לְבָקוּעַ
מִלֹּא-הֵיָה-וְלֹא-נִבְרָא;

מֵעֲרִיצוֹת הַשֶּׁכֶל וְדַעַת
וְהַגִּיּוֹם, אֲשֶׁר הַקִּיָּא
מִשְׁמַחְתָּנוּ הַנּוֹבְעַת
אֶת בְּטוֹחֹנָה הַדְרֹדְקִי;

זֶה בְּטוֹחֹנָה, כִּי נֹס כְּדִין הוּא,
וְיֵשׁ מִמֶּשׁ, בְּרִי, פְּשׁוּט,
בְּלֵהָדָם אֲשֶׁר בְּדִינוֹ
יֹתֵר מִבְּכָל הַמַּמָּשׁוֹת!

אדיר וברוך

אדיר עמלם של עושי המצוות הגדולות!
כל ירח – הלה. ובשפעת כוכבים
מפסגים הלילות בסלם הגבה.

לְמַדְנִי, אֵתָה הַנְּבוֹן,
אֵתָה הַמְהַדֵּר בְּחֵלִין,
הַאֹרֵג אֶת הַטֵּל אֲגָלִים-אֲגָלִים
לְהַפְּכֵם לְצַמְרֵת וְחֶרֶשׁ, -

Научи не терять мелочей,
Точным быть в мелочах
И, когда подступать будет к горлу собравшийся груз,
Вдохновено воспеть:
Как велики дела Твои!
Будь он благословен,
Труд вершащих простые благие дела!
1968

Доброе утро!

Все комнаты мои... В них эхо
Шагов усталых старушки матери моей.
Теперь здесь нет людей, и комнаты
Как будто источают звуки, похожие на шорохи полей.
О, аромат любимой матери моей,
Знакомый аромат не мной посаженного сада,
Печалей, что не я причиной был,
Напевов, зарождённых до меня,
А я их унаследовал без хитростей
И без заслуги.

Ты говоришь, что я мечусь во сне,
Что кто-то во мне выкрикивает сумерки свои до утра.
Но, просыпаясь, восклицаю: "Добрый день!"

День добрый, мать старушка!
Добрый день, дочурка, там, в саду!
День добрый, жена моя...

1968

Субботние звёзды

לכתף הקטנות,
לדקדק בקטנות,
ובגיע נוסעי-אל-גְרָנוֹת
לרְנוֹ:
מה גדלו מעשיך !

ברוך עמלם של עושי המצוות הקטנות !

ברק טוב !

כל חֲדָרֵי – בת-קול הצעד היגע
של אמא בזקוני,ה,
ואין איש עתה בחֲדָרֵי כָּלֵם
והם נודפים את רשרושו כְּרַחֵשׁ הַשָּׂדוּת.
הו, ריח הניחוח של אמי,
של סוד בואי אל כָּרֵם לא-נטעתי,
אל התוגות שלא אני חוללתי,
אל הרננים שנתפצחו מקדם,
ואנכי יורשם על לא צדקה
ועול בכפי.

אמרת לי, כי שנתני נטרפת בלילות,
כי מישהו זועק בי דמדומיו עד אור הבקר
אך בקומי, אני מריע: בקר טוב !

בקר טוב, אמי בזקנותה !
בקר טוב, בתי אשר בכרם !
בקר טוב, אשתי - -

נוכבי-שבת

Субботних звёзд спокойствие и свет...
Но твой печален взгляд,
И есть в печали этой святотатство,
Как будто гасишь свет зажжённых матерью свечей.

Но разве ты не дал себе зарок
Молчанья? В нём одном итог речей людских,
Как мёд – итог дыханья тысяч роз,
И как пейзаж, где рощи, горы, реки
Союз скрепили жить - и порознь, и совместно, -
Не враждуя.

Так будь в ладу со временем, с людьми.
Иди к концу так, как стремятся реки
К неотвратимости морей и берегов.

Там дети месят хлеб
Из влажного песка.
Там раковина, не сказав ни слова,
Доносит в шуме до ушей твоих все тайны
Отливов и приливов.

Субботних звёзд спокойствие и свет...

1968

גָּבְהוּ כּוֹכְבֵי-שַׁבָּת, וְהֵם שְׁלוֹיִם מְמָרָה.
אֶתְּהָ עֶצוּב הַיּוֹם,
וְהַעֲצָבוֹת הַיָּא כְּחִלּוּל-הַשֵּׁם –
כְּבוֹי נְרוֹת אֲשֶׁר הַדְּלִיקָה אִמָּא.

הֲלֹא נְדָרְתָּ נְדָר הַשְּׁתִּיקָה, -
שֶׁהִיא תַּמְצִית כָּל דְּבוּרֵי אָנוּשׁ;
כְּדָבֵשׁ, שֶׁהוּא זְכוּתָם שֶׁל אֱלֹף שׁוֹשְׁנִים,
כְּנוֹף, שֶׁבּוֹ הַפֶּלֶג וְהַחֲרָשׁ וְהַהָר
כְּרֵתוֹ בְּרִיתָם לְשִׁכּוֹן בְּדָד וְגַם יַחְדָּיו –
וְלֹא יָרִיבוּ.

הֲיֵה אֶחָד עִם הַזְּמַנִּים וּבְנֵי-דוֹרָךְ
וְלֶךְ אֶל אַחֲרֵיתֶךָ כְּלֶכֶת נַחַל
אֶל וַדְּאוֹת הַיָּם שֶׁיֵּשׁ לוֹ חוֹף.

שֵׁם תִּינוּקוֹת לְשִׁים כְּפָרוֹת הַלְחָם
מִחֹל רְטֹב.
שֵׁם קוֹנֵכֶיהָ, בְּלִי אִמֶּר וּדְבָרִים,
הוֹמָה אֶל אֲזַנְךָ אֶת כָּל סוּדָם
שֶׁל שִׁפְלֵי וְגֵאוֹת.

גָּבְהוּ כּוֹכְבֵי-שַׁבָּת, וְהֵם שְׁלוֹיִם מְמָרָה.